

Хэ Цинцы не стал опускать Шу Шиюня, позволив тому полулежать у себя на коленях.

— Цин... Цинцы, опусти меня, — Шу Шиюнь, человек застенчивый, моментально вспыхнул до корней волос и попытался ерзать на его коленях.

— Не дергайся. Ты что, думаешь, что сейчас в состоянии ублажать меня? — Хэ Цинцы поспешно прижал его к себе.

Сказано это было настолько прямолинейно, что даже служанки и слуги смущенно потупили взоры, не говоря уже о консервативном Шу Шиюне.

Увидев, что тот присмирел, Хэ Цинцы опустил взгляд на узкую полоску кожи, видневшуюся из-под темных волос, и хрипло, с явным двусмысленным подтекстом, произнес:

— Давненько я тебя не кормил.

Шу Шиюнь не сразу уловил скрытый смысл этих слов. Его бледные щеки окрасились розовым румянцем, ведь он невольно вспомнил время спустя несколько лет после своего выкидыша, когда Хэ Цинцы выкроил пару дней, чтобы позаботиться о нем, лично скармливая ему еду ложка за ложкой — до того это было интимно.

Вскоре принесли обед. Хэ Цинцы бегло окинул стол взглядом и увидел лишь пять блюд и один суп, причем мясным было только одно.

Хотя Великая Ян годами страдала от войн и жизнь простого народа была тяжелой, с тех пор как он взял под контроль Южные земли, ситуация изменилась. Он захватил немало добычи у Да Суй и освоил обширные территории для выращивания зерна, так что уже несколько лет как регион стал самодостаточным и не нуждался в поставках из центральных областей страны.

По логике вещей, без необходимости нести колоссальные военные расходы, жизнь в стране должна была давно наладиться. На недавнем праздничном пиру во дворце столы ломились от деликатесов, убранство было роскошным до неприличия, и никакой разрухи не наблюдалось. Почему же в его собственной княжеской резиденции царит такая нищета, что на столе всего несколько блюд?

— Это что такое? — он постучал палочками по одной из тарелок.

Служанка рядом, дрожа всем телом, ответила:

— Э-это маринованные о-огурцы.

— А это? — он потыкал палочками в содержимое другой тарелки.

— Про-простите, ван, это креветки, — служанка, отвечавшая за трапезу, была готова рухнуть на колени.

Хэ Цинцы молчал. Шесть или семь креветок, размером не больше его мизинца, жалко съежились на дне тарелки, даже не закрыв ее дно. Вид был крайне убогий.

Он подцепил палочками что-то темно-фиолетовое и поднял в воздух:

— А это?

Видя, что служанка подкосилась и вот-вот упадет в обморок, Шу Шиюнь не выдержал и решил вмешаться:

— Цинцы, это баклажан.

Хэ Цинцы бросил баклажан обратно на тарелку и, обратившись к нему, смягчил тон:

— Я знаю, что это баклажан. Но как это есть?

— Это баклажаны в соусе, они очень вкусные, попробуй, если не веришь, — сказал он, подаваясь вперед, чтобы обмакнуть кусочек в соус, но Хэ Цинцы притянул его обратно, надежно удерживая в объятиях.

Глубоко вздохнув, Хэ Цинцы зачерпнул ложкой из фарфоровой супницы с резным узором. Внутри была лишь прозрачная жидкость, в которой, кроме зеленого лука, ничего не плавало.

Встретившись взглядом с умоляющей служанкой, Шу Шиюнь тоже оказался в затруднительном положении. Можно ли это назвать... супом с фрикадельками?

К счастью, Сичжао оказалась сообразительнее и выступила вперед:

— Господин, это суп с фрикадельками.

Ложка с грохотом ударилась о стол. Хэ Цинцы, не повышая голоса, излучал пугающую власть:

— И где же фрикадельки?

Бум — звук удара коленей о пол был болезненным.

— Ван, пощадите! Ван, умоляем, пощадите!

Под мощным, почти убийственным давлением вана остальные слуги один за другим повалились на колени, дрожа и моля о милосердии.

Лишь Сичжао оставалась спокойной и невозмутимо ответила:

— Разварились.

Бах!

Раздался оглушительный, ничем не предвещавший грохот, от которого содрогнулась вся комната. Окна и двери задрожали, словно от сильного порыва ветра, а массивный деревянный стол, расколотый голыми руками Хэ Цинцы надвое, рухнул на пол. Послышался звон разбиваемой посуды, а остатки супа и еды разлетелись во все стороны.

<http://bllate.org/book/19189/1884665>